

ИССЛЕДОВАНИЯ СЛАВЯНСКИХ ЯЗЫКОВ

УДК 81`27

Бабкина Полина Сергеевна

преподаватель кафедры
китайской филологии
Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

Palina Babkina

Lecturer of the Department
of Chinese Philology
Belarusian State University
Minsk, Belarus
babkina.pol@mail.ru

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА
КОСВЕННОЙ ФОРМЫ ВЫРАЖЕНИЯ ОТКАЗА
В РУССКОМ ЛИНГВОКОГНИТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

THE DUAL NATURE
OF THE INDIRECT FORM OF EXPRESSING REFUSAL
IN THE RUSSIAN LINGUISTIC AND COGNITIVE SPACE

Статья посвящена причинам обращения к непрямой форме выражения отказа, а также особенностям использования и интерпретации косвенных речевых актов с интенцией отказа в русском социокультурном пространстве. В результате проведенного исследования были дифференцированы лингвистические средства выражения непрямого отказа в русском языке. Определены причины выбора непрямого формы выражения отказа. На основе анализа материала исследования показана двойственная природа косвенной формы выражения отказа в русском лингвокогнитивном пространстве.

К л ю ч е в ы е с л о в а: *непрямая коммуникация; косвенный речевой акт; отказ; русский язык.*

The article is devoted to the grounds for resorting to the indirect form of expressing refusal, as well as to the peculiarities of the use and interpretation of indirect speech acts with the intention of refusal in the Russian social and cultural space. As a result of the study we have differentiated the linguistic means of expressing indirect refusal in the Russian language and determined the reasons for choosing an indirect form of expressing refusal. Based on the analysis of the research material, the article shows the dual nature of the indirect form of expressing refusal in the Russian linguistic and cognitive space.

Key words: *indirect communication; indirect speech act; refusal; the Russian language.*

После того, как во второй половине XX века представители Оксфордской школы (Дж. Остин [1], Дж. Серль [2], Г. П. Грайс [3]) выдвинули в центр лингвистических исследований человека с его коммуникативными целями, рамки исследования коммуникации существенно расширились и стали включать в себя целый спектр экстралингвистических факторов. Благодаря Дж. Остину и его последователям, в лингвистике осуществился поворот в сторону понимания процесса говорения как продукта словотвор-

чества субъекта речи, обусловленного в первую очередь его личностными качествами и стоящими перед ним целями, а не одними лишь правилами языка. Личности отправителя и получателя речи связали воедино все многочисленные разрозненные аспекты высказывания, которые стали ориентироваться не на передачу фактической информации, а на ее интерпретацию [4, с. 43].

Выбор стратегии речевого поведения зависит от ряда факторов, среди которых цели и мотивы говорящего, ситуация и условия общения, отношения между коммуникантами, национально-культурные особенности общения в том или ином социокультурном пространстве и др. Выбор не прямой формы выражения интенций связан с нежеланием говорящего по разного рода причинам открыто демонстрировать свои истинные намерения. И это особенно проявляется в ситуации отказа.

Речевой акт отказа достаточно полно изучен в русской лингвокультуре. Исследуя стратегический аспект коммуникативного акта отказа, М. А. Пащенко впервые выявляет возможные варианты эмоциональных проявлений, связанных с данной интенцией, а также систематику речевых стратегий, специфичных для настоящего коммуникативного акта [5]. О. В. Бычихина в рамках семантико-прагматического и когнитивного исследования высказываний со значением отказа описывает их в составе диалогического единства с учетом корреляции инициальной и реактивной реплик [6]. Я. В. Боргер комплексно исследует речевые акты негативной реакции в единстве их лексико-грамматической структуры и прагматической направленности [7]. И. А. Постоенко выходит за пределы формально-грамматического подхода и показывает чрезвычайную сложность речевого акта несогласия/отказа как социопрагматического и социокультурного явления [8]. С. О. Симоновой выявлены тактики, актуализирующие косвенные и имплицитные речевые акты отказа [9].

Как отмечает И. А. Постоенко, одним из главных мотивов использования явности/косвенности в высказывании является вежливость [8]. Банзрагч Туул также говорит о том, что в ситуации отказа, как и в других стандартных ситуациях общения, речевой этикет регулирует поведение людей и имеет тесную связь с категорией вежливости, которая служит для достижения говорящим определенных прагматических целей: демонстрация уважения к партнеру и его стремления не оскорбить собеседника отказом, поддержание определенных социальных отношений и желание продолжить общение с партнером по коммуникации [10]. Т. В. Нестерова в одной из своих статей подчеркивает, что «предпочтение косвенных форм прямым, а также манипулятивных неманипулятивным способствует сохранению “лица” как субъектом отказа, так и объектом отказа; позволяет повысить вероятность того, что планируемый перлокутивный эффект от данных тактик действительно осуществится (хотя, конечно, о стопроцентной реализации перлокуции речь не идет)» [11, с. 64].

Несмотря на высокий интерес исследователей к речевому акту отказа, из всех работ вышеупомянутых ученых только диссертационное исследование С. О. Симоновой [9] посвящено комплексному изучению именно косвенных и имплицитных речевых актов отказа (на материале русского и немецкого языков), что свидетельствует о том, что непрямой отказ как самостоятельный объект исследования еще недостаточно изучен. Также, как видно из вышесказанного, исследователи связывают использование косвенной формы выражения отказа в русском социокультурном пространстве в первую очередь со стремлением говорящего к соблюдению правил речевого этикета, с нежеланием поставить под угрозу «лицо» собеседника. В рамках же настоящего исследования выделяются причины обращения к завуалированной форме выражения отказа, противоположные тем, что связаны с понятием вежливости, а также желанием коммуникантов уйти от конфликта. Другими словами, фокус внимания смещается в сторону того, что отказ, выраженный в косвенной форме, далеко не всегда обусловлен благими намерениями его адресанта.

Целью данного исследования является определение причин обращения к непрямой форме выражения отказа, а также особенностей использования и интерпретации косвенных речевых актов с интенцией отказа в русском лингвокогнитивном пространстве. Для ее достижения применялись метод контекстуального анализа, описательный метод. Материалом для исследования послужили 473 фрагмента текстов художественных произведений (тексты отобраны из Национального корпуса русского языка [12]).

Речевой акт отказа, представляющий собой отрицательную реакцию на искомые цели адресанта, уже по своей сути является неприятным, нежелательным для слушателя и накладывает определенный негативный отпечаток на отношения между коммуникантами, угрожая репутации человека, получившего отказ. Поэтому неудивительно, что в большинстве случаев говорящий стремится завуалировать свой отказ. С. О. Симонова отмечает, что говорящий выбирает непрямую форму выражения отказа в случаях, если: а) он не имеет желания идти на открытый конфликт с адресантом; б) он избегает, скрывает недовольство, нежелание выполнить просьбу адресанта; в) он имеет рассогласование с мнением адресанта; г) он не хочет обидеть, огорчить собеседника; д) он не принял решения; е) непрямой вид отказа используется для экономии времени и средств языка и т.д. [9, с. 12].

Однако проанализированный нами материал показывает, что представители русского лингвокогнитивного пространства используют непрямой способ выражения отказа не только ввиду вежливости и нежелания задеть чувства собеседника. Косвенная форма передачи отказа также связана с уважением собственных интересов и даже со стремлением говорящего сделать свой отказ более категоричным, не терпящим возражений. В последнем случае непрямой отказ может звучать довольно грубо, однако говорящий, выражая его в косвенной форме, не только подчеркивает

твердость своих намерений, но и снимает с себя ответственность за сказанное, так как интерпретация истинного смысла его слов лежит на плечах адресата отказа.

В русском языке существует огромное многообразие лингвистических средств, при помощи которых можно выразить отказ непрямо. Среди них есть те, которые используются в первую очередь с целью соблюдения правил вежливости, и те, которые связаны с отстаиванием позиции адресанта отказа. В данной статье рассматриваются лингвистические средства выражения косвенного отказа, каждое из которых проиллюстрировано примерами, зачастую полярными по своему характеру воздействия на адресата, а также отличающимися по целям, преследуемым адресантом отказа.

Наиболее распространенной формой выражения косвенного отказа в русском языке является утвердительное предложение, содержащее в себе указание на причины, по которым говорящий не может удовлетворить искомые цели адресанта. Среди таких причин: собственная занятость; отсутствие свободного времени; усталость; невозможность осуществления просьбы адресанта; оценка собственных качеств и способностей; отсутствие объективных причин (с точки зрения адресата) для удовлетворения цели адресанта; нежелание пойти навстречу адресанту. Например:

– *К сожалению, ближайшие две недели я занят, – сказал Любченко, вытирая руки платком* (Д. Гранин «Искатели») [12].

– *Мне некогда и неохота!* – резко ответила Нина (А. Слаповский «Любовь по-нашему») [12].

В первом из вышеупомянутых примеров непрямая форма выражения отказа позволяет высказать его тактично, а содержащееся в нем вводное слово *к сожалению* делает непрямым отказ еще более вежливым. Второе же высказывание демонстрирует резкость, категоричность отказа, выраженного в косвенной форме.

Помимо утвердительных предложений, содержащих причину отказа, одним из самых распространенных не прямых форм его выражения в русском лингвокогнитивном пространстве являются вопросительные предложения. Характер воздействия на адресата непрямого отказа, выраженный в форме вопросительного предложения, можно разделить на три типа.

1. Позитивный. Говорящий, выбирая данную форму выражения отказа, стремится смягчить его негативный фон, компенсировать свой отказ каким-либо встречным предложением, сделать нежелательную для собеседника реакцию более вежливой, тактичной. Например:

А может, лучше встретимся в другой понедельник? (Э. Радзинский «Она в отсутствии любви и смерти») [12].

2. Нейтральный. Нейтральный характер воздействия на адресата в ситуации непрямого отказа, выраженного при помощи вопросительного предложения, обычно наблюдается при реализации тактики переспроса:

– *Как же я его брошу? Я без него дышать не могу* (И. Муравьева «Филемон и Бавкида») [12].

3. Негативный. Непрямой отказ, выраженный в форме вопроса, зачастую является более грубым и категоричным, нежели прямой отказ. В нижеприведенных ситуациях его негативный фон лишь усиливается благодаря использованию частицы *разве*, а также эрратива *счас* вместе с устойчивым выражением *с какой радости*:

– *Вы разве не видите, что я занят приемом пищи?* (В. Войнович «Замысел») [12].

Я, когда гараж покупал, расплачиваюсь, а дед, хозяин, мне вдруг лепит: «По-хорошему с вас надо бы лишнюю тысячу взять». «Счас, – говорю, – с какой радости?» (А. Щербаков «Пах антилопы») [12].

Кроме того, не прямой отказ в русском языке может быть реализован при помощи фразеологизмов. Интересно, что все идиоматические выражения из проанализированного нами материала являются экспрессивными и позволяют выразить отказ хоть и непрямо, но в то же время довольно категорично и даже грубо. Например:

«Только через мой труп!» – вскричал Первенцев и швырнул рукопись Панферову на стол (С. Алешин «Встречи на грешной земле») [12].

Редактор сказал автору: – Только через мой труп!

Автор ответил: – Тот же неплохой вариант! (Н. Богословский «Заметки на полях шляпы») [12].

Данный пример показывает, что в вышеописанной ситуации прямое понимание фразеологизма *только через мой труп*, выражающего категорический протест говорящего против чего-либо (несмотря на то, что адресат понимает, что получил отказ), позволяет также достичь юмористического эффекта, способствует расслаблению напряженной атмосферы отказа.

Еще одна идиома, с помощью которой можно в косвенной форме выразить отказ в русском языке, – *держи карман шире*, имеющая значение ‘не надейся и не рассчитывай на что-либо’ (о слишком больших, несбыточных надеждах, ожиданиях) и звучащая довольно грубо:

Держи карман шире, так мы тебя и взяли (Виноградная лоза // «Жизнь национальностей») [12].

Среди фразеологических оборотов русского языка, непрямо выражающих отказ, также находится идиома *нашел дурака*. Во фразеологическом объяснительном словаре русского языка говорится, что фразеологизм *нашел дурака* является «выражением отказа от предложения в форме утверждения о том, что на него может согласиться только глупый и ничего не понимающий человек» [13, с. 160]:

Тут минуты до дембеля считаешь, а он мне сверхсрочную предлагает... Нашел дурака! (В. В. Кунин «Русские на Мариенплац») [12].

Еще один фразеологизм, который может использоваться в качестве непрямого отказа:

– *Да вы с ума сошли! Мне лошади нужны для работы, а тот, видите ли, разъезжать будет* (С. Воронин «Единственная ночь») [12].

Помимо этого, для непрямой передачи отказа в русском языке существует ряд устойчивых выражений: *С какой стати?*, *Еще чего!*, *Ни за что*, *Ни в коем случае* и др. Подобные фразы звучат в определенной степени невежливо и грубо, но их использование способствует защите позиции адресанта отказа, подчеркивает непоколебимость его решения:

– *С какой стати я должна давать хоть копейку?* (Д. Донцова «Уха из золотой рыбки») [12].

– *Еще чего! Может, тебе и кофе в постель принести? Сама иди за своим телефоном!* (Т. В. Сахарова «Добрая фея с острыми зубками») [12].

– *Ни за что, – горячо запротестовала Катерина* (М. Зосимкина «Ты проснешься». Кн. первая) [12].

Обратимся к семантике глаголов. Среди глаголов, выражающих в косвенной форме отказ, находятся слова, передающие заведомую несбыточность надежд адресанта либо чрезмерность его ожиданий (с точки зрения адресата просьбы). Стоит отметить, что приведенные ниже высказывания с определенными глаголами звучат довольно грубо, с нотой насмешки над собеседником:

– *Ага, раз мечтался!* – кричу я через свою дверь. – *Может, тебе еще денег дать? Шутка* (А. Геласимов «Рахиль») [12].

– *Обойдешься, – прервал его Герман. – Решили же – до конца недели ни капли спиртного* (А. Ростовский «По законам волчьей стаи») [12].

– *Перетопчешься. Зазнобу ему... Иди работай* (А. Маринина «Иллюзия греха») [12].

Фразы, содержащие в себе глаголы *думать*, *стараться*, *смотреть* и др., которые позволяют реализовать такую тактику непрямого отказа, как отсрочка, также являются одними из лингвистических средств реализации отказа в русском лингвокогнитивном пространстве:

– *Я подумаю. Позвони мне завтра. И тут же уехал в родной аул Верхний Чегем, расположенный так высоко в горах, что туда не дотянули телефонный провод* (С. Б. Рассадин «Книга прощаний. Воспоминания о друзьях и не только о них») [12].

– *Посмотрим!.. – сказал я и пошел навстречу Рыжему Псу* (В. Губарев «Трое на острове») [12].

Данные высказывания иллюстрируют тот факт, что, выбирая подобные фразы для завуалированного выражения отказа, говорящий стремится смягчить свой отказ, заботясь о чувствах своего собеседника. Однако стоит отметить, что подобные выражения в русском социокультурном пространстве носят конвенциональный характер, и адресат отказа понимает, что в большинстве случаев за ними скрывается не отсрочка для принятия решения, а банальный, но при этом вежливый отказ собеседника.

Глаголы в форме повелительного наклонения – еще один способ в косвенной форме отказать собеседнику:

– *Отстань, я никуда не буду звонить!* (А. А. Поступинский «Бог») [12].

– *Ешь потише, – сказал я.*

– *Отстань, – огрызнулся Мишка.*

И, кажется, еще громче начал суп в себя засасывать (Д. Сабитова «Где нет зимы») [12].

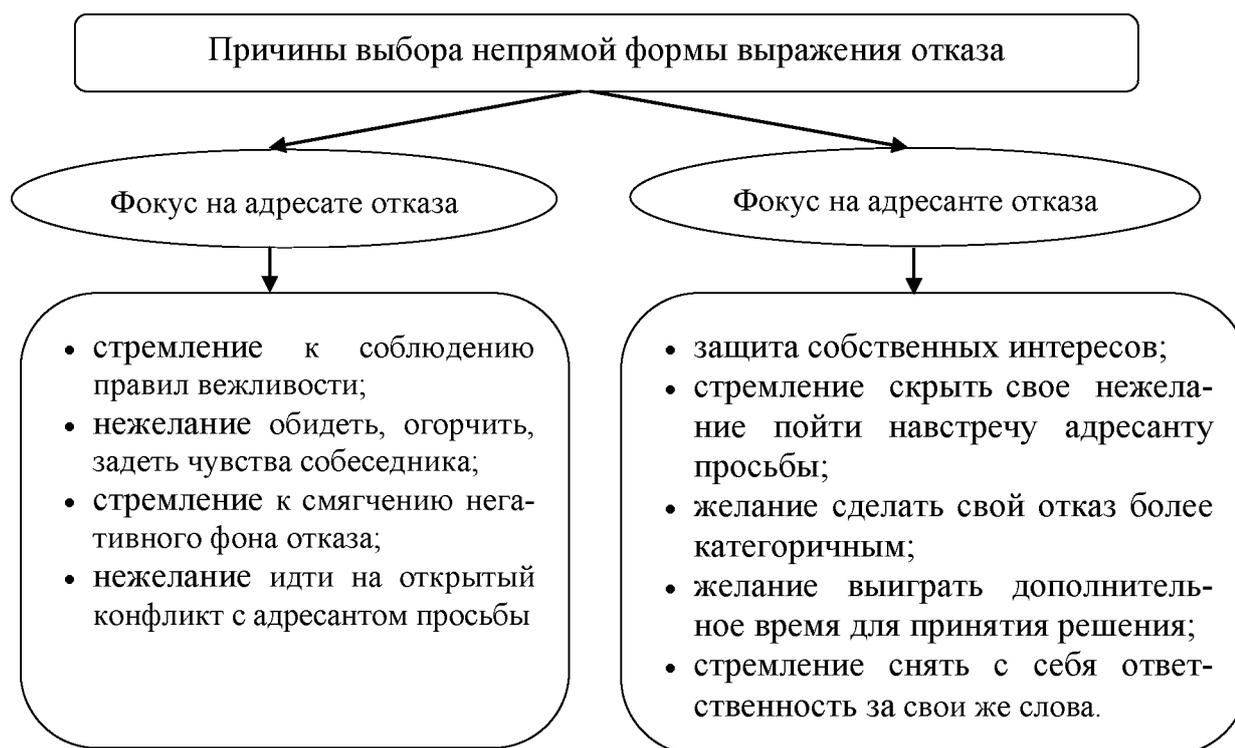
Глаголы в форме повелительного наклонения с отрицанием также могут использоваться в качестве непрямого отказа в русском языке:

– *И не надейся, что я туда войду* (М. Петросян «Дом, в котором...») [12].

Если все вышеперечисленные примеры косвенного отказа, содержащие в себе глаголы в форме повелительного наклонения, имели характер категоричности и возмущения, то следующий пример отказа реализует тактику встречного предложения и звучит более мягко:

– *Давай сменим тему, – сказал Тет и убрал руку* (В. Пелевин «Бэтман Аполло») [12].

Таким образом, отказ, представляющий собой нежелательную реакцию адресата на искомые цели адресанта, по ряду причин чаще всего выражается именно в косвенной форме. Все причины обращения к не прямой форме выражения отказа в русской лингвокультуре можно условно разделить на те, которые направлены на адресата отказа, и те, которые, наоборот, находятся в фокусе интересов самого говорящего (рисунок).

Причины выбора не прямой формы выражения отказа

Непрямое выражение отказа выполняет целый ряд функций в русском лингвокогнитивном пространстве. С одной стороны, оно считается более вежливым, помогает предотвратить возникновение конфликтных ситуаций, продемонстрировать уважение к собеседнику, позаботившись о его репутации. Использование средств не прямой коммуникации в ситуации отказа

смягчает его негативный фон, помогает разрядить напряженную атмосферу между коммуникантами, а также выйти из неловкой ситуации с достоинством. Однако проанализированный нами материал показывает, что в то же время косвенная форма выражения отказа в русском социокультурном пространстве позволяет коммуниканту отстаивать свои позиции, делает его отказ более твердым, дает большие шансы на благоприятное развитие событий в интересах говорящего. Безусловно, использование средств непрямой коммуникации в ситуации отказа повышает эффективность воздействия на адресата. Помимо этого, особо важным является то, что зачастую представители русской лингвокультуры отдают предпочтение не прямой форме выражения отказа с целью «задеть», посильнее «уколоть» своего собеседника, виртуозно подчеркнув принципиальность своего отказа, не оставив ему ни единого шанса на благоприятный исход беседы. И, стоит отметить, что средства именно непрямой коммуникации представляют собой богатый арсенал для осуществления последнего, позволяя при этом представителям русской лингвокультуры проявлять индивидуальность и креативность в речи. Проанализированные лингвистические средства выражения непрямого отказа и конкретный иллюстративный материал доказывают двойственную природу использования средств непрямой коммуникации в отношении как адресанта, так и адресата отказа.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Остин, Дж.* Слово как действие / Дж. Остин // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – М., 1986. – Вып. XVII. – С. 98–132.
2. *Серль, Дж.* Косвенные речевые акты / Дж. Серль // Новое в зарубежной лингвистике: Теория речевых актов. – М., 1986. – Вып. XVII. – С. 195–222.
3. *Грайс, Г. П.* Логика и речевое общение / Г. П. Грайс // Новое в зарубежной лингвистике: Лингвистическая прагматика. – М., 1985. – Вып. XVI. – С. 217–237.
4. *Глазунова, О. И.* Логика метафорических преобразований / О. И. Глазунова. – СПб. : Питер, 2000. – 190 с.
5. *Пащенко, М. А.* Стратегический аспект коммуникативного акта отказа: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / М. А. Пащенко; Иркут. гос. лингвист. ун-т. – Иркутск, 2012. – 23 с.
6. *Бычихина, О. В.* Высказывания со значением отказа: семантико-прагматический и когнитивный аспекты: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / О. В. Бычихина; Новосиб. гос. пед. ун-т. – Барнаул, 2004. – 24 с.
7. *Боргер, Я. В.* Комплексный анализ речевых актов негативной реакции: На материале современных драматических произведений: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Я. В. Боргер; Тюмен. гос. ун-т. – Тюмень, 2004. – 24 с.
8. *Постоеенко, И. А.* Ситуация несогласия/отказа в динамике английской речи: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / И. А. Постоеенко; Хабар. гос. пед. ун-т. – Хабаровск, 2001. – 185 л.

9. *Симонова, С. О.* Коммуникативно-когнитивные особенности выражения косвенных и имплицитных речевых актов отказа в диалогическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / С. О. Симонова; Моск. гос. обл. ун-т. – М., 2011. – 26 с.
10. *Банзрагч, Туул.* Диалоговое взаимодействие «побуждение – отказ» в русском речевом общении с точки зрения носителя монгольского языка: автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Банзрагч Туул; Гос. ин-т рус. яз. им. А. С. Пушкина. – М., 2005. – 29 с.
11. *Нестерова, Т. В.* Манипулятивные реализации интенции отказа в обиходном общении русских / Т. В. Нестерова // Русский язык за рубежом. – М., 2010. – № 2. – С. 57–65.
12. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа : <https://ruscorpora.ru/new/>. – Дата доступа : 29.03.2021.
13. *Баранов, А. Н.* Фразеологический объяснительный словарь русского языка / А. Н. Баранов, Д. О. Добровольский. – М. : Эксмо, 2009. – 704 с.

Поступила в редакцию 01.11.2021